

Борис Трахов

*Не втиснуть
жизнь в четыре
строчки...*

Стихи разных лет

Борис Прахов
Не втиснуть жизнь
в четыре строчки...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18513958
ISBN 9785447473617*

Аннотация

Вторая книга стихотворений «Не втиснуть жизнь в четыре строчки...». Стихи разных лет. Городская, пейзажная и любовная лирика.

Содержание

Вступительное слово	8
Я слышу музыку в стихах...	10
Любимой	12
Сыграй мне что-нибудь, скрипач!	13
Январю	15
Февраль	16
А до весны – рукой подать...	18
Тает мартовский снег	19
Сивцев Вражек	20
Весенняя Москва	21
Звездолёт из диванных подушек	22
Уходит Март...	24
Колокола	25
Церковь светлая в Вельяминово	28
Мне бы только дожить до Девятого Мая...	29
Ты приезжай ко мне...	31
Деревне Лесково	33
Тебе, гостеприимное Лесково!	34
Макушка лета	36
Переулочкам старой Москвы	37
Пуанты	39
Кораблик мечты	40
Ностальгия	41

Здесь хорошо	43
Деревенская дорога	44
Здесь утро начинается стихами	46
Я хотел тебе подарить	47
Моё сердце тоскует	48
Душа, что больше не горит...	49
Любовь слепа...	50
Август	51
Межсезонье	52
За тебя молюсь, моя Москва!	53
За грибами	55
Бабье лето	56
Мои часы остановились в восемь...	57
У окна	58
Вот такая нынче новость...	59
Дремлет Осень золотая...	60
Меня не возьмут...	62
Над моею Москвой...	63
На свидание со старым парком...	64
Вариант перевода сонета 137 Шекспира	65
Уже неделю дождь идёт	67
Большая игра с Ноябрьрём	69
Я помню чудное мгновенье...	71
Визит первого снега	73
Моя родная Неизбежность!	74
Ещё не всё!	75

Песочные часы	77
Баба Ньюра	78
Одиночество	80
Возврати мне его!	81
И лишь в глазах едва читалось что-то...	83
Браво!	85
Предновогодье	86
Святки на Арбате	87
Моей незнакомой маме	88
То не любовь была...	90
Твой взгляд	91
Прости	92
Полночный троллейбус	93
Шестьдесят	94
А душа всё не верит...	96
Не спится...	98
Обручальное кольцо	99
С первым днём весны!	101
Нежность	102
Завтрак в постель	103
Домой...	105
Остров с названием Сердце	106
Люблю когда...	107
Мне нравилось...	108
Третья свеча	109
Пасхальное	111

Я ревную...	112
Диалог с Эхом	113
Подранок	116
К...	118
Вы к поэту не будьте жестоки!	119
Останемся друзьями	121
Две ночи с тобой	122
Поговори со мною в ЛЯ-миноре	124
Чубушник	126
Я мыслями вернулся в Питер...	127
На смерть Александра Абдулова	128
Портрет	129
Мой лес	130
С дождём июньским по Москве	132
Июньские подарки	134
Июльский день жарою переспел...	135
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Не втиснуть жизнь в четыре строчки... Стихи разных лет Борис Прахов

© Борис Прахов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Рукопись книги освящена у Гроба Господня в Иерусалиме.

Выражаю искреннее уважение и глубокую признательность за спонсорскую поддержку ООО «Центр подрядных торгов в строительстве» в лице Старшего партнёра ООО «ЦПТС» Медведевой Светланы Станиславовны и Генерального директора Извариной Марии Александровны, Генеральному директору группы компаний «Fortis Group» Лезиной Екатерине Викторовне, а также всем моим друзьям и близким, в той или иной степени принявшим участие в создании этой книги.

Сердечное Вам всем СПАСИБО!

Борис Прахов

Вступительное слово

Вышла вторая книга замечательного московского поэта Бориса Прахова. Это должно было случиться, потому что этому поэту есть о чем сказать своим читателям. Говорят, что поэт или писатель талантлив тогда, когда в любом состоянии духа, в любом возрасте, в любой жизненной ситуации человек может найти в его книгах то, на что душа его откликнется, что-то, что окажется близким. Стихи Бориса Прахова именно такие. Мудрые, живые, мужественные, а подчас по-мальчишески трогательные, проникнутые любовью к женщине, Москве, природе, окружающему миру. Очень русские по духу. Добрые. Светлые.

Скрипач, художник и поэт лишь тот,
Кто чувствует пронзительно и тонко,
Кто понял жизнь, но смотрит на неё
Глазами пятилетнего ребёнка!

– написал Борис Прахов.

Чистота и проникновенность его поэзии никого не могут оставить равнодушными. Его стихи хочется перечитывать, находя в них всё новые смыслы и мелодии, и не это ли лучшая похвала поэту?

*Елена Ерофеева-Литвинская,
член Союза писателей России и
Союза писателей XXI века,
вице-президент МАГИ
(Международной Ассоциации
Граждан Искусства)*

Получено по e-mail:

Прочитал, понравилось! Стихи живые, одушевлённые. Особенно впечатлили стихи о Москве. Так о ней писать может только бесконечно преданный и беззаветно любящий её человек. Благословляю!

Дальнейших тебе творческих успехов, Поэт!

Евгений Евтушенко

*Понимаю я, стоя у пропасти на краю —
Не согреет озябшую душу шотландский плед.
Сознавать мне так больно, что длинную жизнь свою
Мне не втиснуть в четыре строчки!
А пятой – нет...*

Борис Прахов

Я слышу музыку в стихах...

Я слышу музыку в стихах
И чту поэзию мелодий...

Стихи в душе моей звучат свирелью,
То вдруг орган, то скрипка, то гобой...
Труба – жарой, виолончель – метелью,
Рояль «струится» речкой голубой,

В литаврах не смолкает гром весенний,
Во флейте – щебетанье майских птиц...
Мажор, минор – как смена настроений,
А в арфе – шорох трепетных ресниц.

Фагот шмелём в мою влетает келью,
Мне душу наполняя до краёв,
И ксилофон апрельскою капелью
Зовёт на крошки мокрых воробьёв.

В осеннем листопаде – медь валторны,
Ветра альтов захватывают дух!
Лишь контрабас в углу, как ворон чёрный,
Печалится о тех, кто сердцем глух...

И с музыкой приходит вдохновенье,
И не фальшивит строчек стройный хор...
По нотам душ читает настроенье
За пультом стихотворец-дирижёр!

Любимой

Может быть, другому ты обещана
Небом. Но по жизни ты со мной!
Ты, моя единственная женщина,
Ангел мой, небесный и земной...

Сердце без тебя не хочет биться —
То взорвётся, то замрёт в мольбе,
То кричит, как раненая птица...
Слышишь, я скучаю по тебе!

Сыграй мне что-нибудь, скрипач!

Сыграй мне что-нибудь, скрипач,
Чтобы от звука сердце сжалось.
Ведь мне нужна такая малость...
Сыграй мне что-нибудь, скрипач!

Как жеребёнок, время вскачь
Несётся в розовом тумане.
Я прожил жизнь в любви обмане...
Сыграй мне что-нибудь, скрипач!

Любовь – мой Бог и мой палач,
Моё проклятье и отрада.
Под тихий шорох листопада
Сыграй мне что-нибудь, скрипач!

Уйдя от бед и неудач,
Я б растворился в этом звуке.
Меня твои излечат руки —
Сыграй мне что-нибудь, скрипач!

Ты видишь слёзы – то не плач,
То хмель из глаз моих сочится.
Хотя б на миг мне дай забыться —
Сыграй мне что-нибудь, скрипач!

Чтоб ран душевных лучший врач,
Святая музыка струилась,
Тебя прошу я: «Сделай милость,
Сыграй мне что-нибудь, скрипач!»...

Январю

Наполнит Зима-сомелье
Абсентом бокал Январю,
Подарит Рябина колье,
И Утро подарит зарю.

А он, так бессовестно юн,
Пока ещё спят петухи,
Напиток заснеженных лун
Тайком Вам добавит в стихи.

Полярным сиянием вдруг
Расцветится строчек букет,
И крыши осыплют вокруг
Снежинки с его эполет...

Февраль

Февраль, метелями завьюжив,
Убрал сугробами дворы
И занавесками из кружев
Завесил окна до поры.

Земля под снежным одеялом
Спокойно спит, вздымая грудь.
В её дыхании усталом
Одно желанье – отдохнуть...

Метёт февраль, шуршит порошей.
Деревья в шубах, как князя...
Какой сегодня день хороший —
Я еду к вам, мои друзья!

Мороз прохожих подгоняет,
Скрипит снежок под каблучком,
И солнце лучики роняет
На шарф девчушки с рюкзачком.

Кряхтит ЗИЛок, вздымая кузов,
Ссыпая снег в Москву-реку.
На пухлых щёчках карапузов
Румянец пышет... Нет, строку

Скорей такую на бумагу,
Чтоб не забыть, не потерять.
Слова, как детскую ватагу,
Загнать домой – в свою тетрадь.

Чтобы потом в застолье шумном
Их подарить своим друзьям.
И, может, в мире сём, безумном,
От них теплее станет нам.

А до весны – рукой подать...

В Петровском парке – умиротворенье...

Морозец лёгкий утренний бодрит.

Лежалый снег, как пенка на варенье,

И звон пронзает неба лазурит

Церквушки на Нарышкинской аллее,

Чью маковку ласкает солнца луч.

И от него становится теплее...

Здесь воздух ароматен и тягуч,

От лип, ещё нагих, прохлада льётся,

И душу заполняет благодать.

Здесь юный Март мне завтра улыбнётся...

А, значит, до весны – рукой подать!

Тает мартовский снег

Тает мартовский снег на московских дворах,
«Крыши» всем воробьям поносило от счастья.
На умытых дождём Воробьёвых горах
Ветер дарит влюблённым весну, как причастье.

Как невеста, церквушка стоит над рекой,
К Воскресенью Христову готовясь заране.
И весеннее солнышко тёплой рукой
Золотит купола на Спасителя Храме.

Тянут пальцы деревья к небес синеве,
Воздух пахнет Весной с лёгким привкусом прели.
Хорошо прогуляться по старой Москве,
Где Апрель выставляет свои акварели!

Сивцев Вражек

Спешу к тебе, как пёс на запах булок,
От серых, без лица, пятиэтажек,
Знакомый с детства милый переулок
С чарующим названьем Сивцев Вражек...

Весенняя Москва

Не могу надышаться Москвою!
Обожаю её купола!
Над седую её голову
Вновь Весна расправляет крыла.

Из певучей трубы водосточной
Льётся музыка в небо ничья.
И течёт переулок Молочный,
Повторяя изгибы ручья...

Мне навстречу – дома и домишки,
От которых в душе благодать.
Я листаю Москву, словно книжку
И никак не могу дочитать!

Звездолёт из диванных подушек

Любимому внуку.

Тишина. Лишь в углу ворох спит позабытых игрушек.
Сиротливее их в целом мире, наверное, нет...
Строю я без тебя звездолёт из диванных подушек.
В нём теперь я один, твой безумно тоскующий дед.

А, бывало, на нём мы летали на Третью Планету,
Где меня ты спасал, подставляя родное плечо...
Ты со мною делил пополам и лаваш, и конфету.
И от этого вдруг становилось в груди горячо!

Жаль, что с мамою ты переехал в квартиру другую.
Я с работы иду, но не видно в окошке огня...
Ты ко мне приезжай – полетим на звезду голубую!
Без тебя не смогу! И тебе нелегко без меня.

Две недели прошло. Повидаться давно уж пора бы!
Ночью я для тебя новых звёзд соберу урожай.
И любимые сказки про Репку и Курочку Рябу
Я тебе расскажу, только ты поскорей приезжай!

Тишина. Лишь в углу ворох спит позабытых игрушек...
Всё со мной хорошо, только сердце всё чаще болит.

Приезжай! Ведь наш дом-звездолёт из диванных
подушек

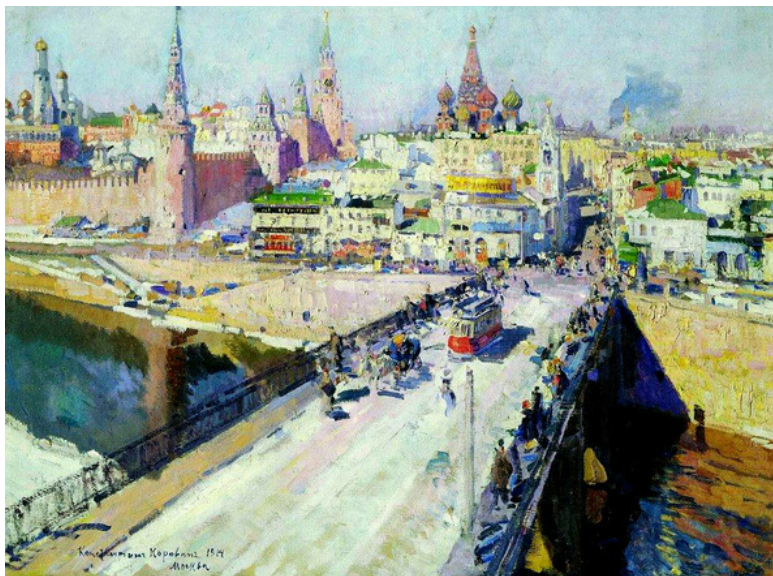
Без тебя, мой родной, всё равно, никогда не взлетит...

Уходит Март...

Зима с Весною из-за Марта в ссоре,
Но фаворитка в споре мне ясна.
Зима-старуха в неизбывном горе.
Капелью плачет девушка-Весна...

Уходит Март от этого «кошмара»,
Унять не в силах снежность и капель.
Ведь знает Март, что он Весне – не пара,
Что на пороге – юноша-Апрель!

Колокола

Коровин К. А. «Москворецкий мост». 1914 г.

И снова Воскресение Христово!
По всей Москве звонят колокола!
Мне так светло от тихого, простого
«Христос воскрес!».

Напомнив мамы тёплые ладони,

Два бабкой луком крашенных яйца,
Положенных на блюдечке к иконе,
Баян трофейный на плечах отца,

Наш старый двор с трубою средь растяжек
И на верёвке сохнущим бельём,
Звук доминошных смыленных костяшек,
Что мужики мешают за столом,

И белых птиц над старой голубятней,
И запах щей и жареных котлет...
Воспоминаний этих нет приятней,
Тех, детства неухоженного лет!

С соседом был не дружен, может статься,
Но, если ты обижен был вчера,
Он за тебя сегодня выйдет драться
С шпаную из соседнего двора...

Надеты к Пасхе новые ботинки,
Я выхожу во двор, как будто в «Свет»,
Где патефон и старые пластинки,
Под «Риориты» ритмы кастаньет!

В моей руке зажат на зависть взрослым
(Мне жаль, что внук мой с этим не знаком!)
Кусок «черняги» с солью, маслом постным
И корочкой, натёртой чесноком.

Его от сердца протяну я другу
Под душу окрыляющий мотив...
Звонят колокола на всю округу,
Мне на мгновение детство возвратив!

Церковь светлая в Вельяминово

Колокольня звонит малиново,
В небе благовест, чист и тих...
Церковь светлая в Вельяминово
Прихожан созывает своих.

Здесь дороги округи сходятся,
Льётся воск по щекам свечей.
Здесь является Богородица
На стекле от касанья лучей.

То сиренево, то жасминово
Обрамляется край села.
Церковь светлая в Вельяминово
Вновь чуть слышно меня позвала...

Мне бы только дожить до Девятого Мая...

Светлой памяти отца.

«Мне бы только дожить до Девятого Мая!», —
Так отец говорил той, последней весной,
Заинфарктченным сердцем прогнозы ломая
И врачей, и безжалостной Смерти самой...

Он дожил! Докарабкался, вновь побеждая!
За широким столом, среди лиц дорогих
Самый главный свой праздник, Девятое Мая,
Встретил он, вспоминая друзей боевых.

И расправились плечи, баян обнимая,
И по сердцу прошла светлой грусти волна...
Он любил, когда внуки Девятого Мая
Брали бережно в руки его ордена.

Он на «тридцатьчетвёрке», врага подминая,
Аж до Праги дошёл. Трижды в танке горел...
Он прожил лишь три дня от Девятого Мая,
Но последнюю песню свою он допел!

И о нём из рассказов моих только зная,

Правнук (в это я веру храню!)

В светлый праздник Победы, Девятого Мая,

Две гвоздички положит на танка броню...

Ты приезжай ко мне...

Моему институтскому другу Шуре Королёву.

Ты приезжай ко мне, мой друг старинный,
И мы повспоминаем о былом,
Как шли с тобой дорогой жизни длинной
Под рюмочку за кухонным столом...

Мы не юлили ни в большом, ни в малом,
Для друга не жалели ничего,
И «Горький парк» мы звали филиалом
«Стального» института своего.

Припомним, как с тобою мы шагали
По Якиманке старенькой пешком,
Где «в стоячка» пельмешки разбавляли
Из-под стола дешевым портвешком.

Нас память унесёт с тобою прямо
Туда, где «на двоих» один конспект,
Где согревала нас «Коммуна» -мама,
Нескучный сад и Ленинский проспект,

Где были мы так бесшабашно юны,
Душа была беззлобна и чиста,

Где летний дождь свои вплетает струны
В стальные арфы Крымского моста...

Ты приезжай ко мне, мой друг старинный!

Деревне Лесково

Уверен – Вы не видели такого!
Здесь исчезает утомлённость век.
Деревня с тёплым именем Лесково
Меня пустила нынче на ночлег.

Здесь сердце, как обласканный ребёнок,
Кукушки счёт надеждой нарочит,
Здесь детства вкус, пронзителен и тонок
И на губах травинкою горчит...

Тебе, гостеприимное Лесково!

Благодарю Лесково строчкой краткой!
Запомню земляничную опушку,
Котов – Кузьму Петровича на грядке
И на кровати дремлющего Плюшку,

В беседке нашу славную пируху
И тётку Галю с мужем Валентином,
Сестрицу Марфу, «шулера» Андрюху
И банку с молоком «не магазинным»...

Спасибо всем! И комарам, и мошкам,
И двум собакам с добрыми глазами!
Спасибо баньке с крохотным окошком,
Прохладной водке с сыром, огурцами...

С икрой рыбёшка, к ней, конечно пиво...
Я не забуду тот обед ВЕЛИКИЙ:
Дух щей «зелёных» с молодой крапивой,
Карась в сметане, пироги с черникой...

Я ощутил радушьё каждой клеткой!
Уважила деревня, право слово!
Рябинка в след мне машет тонкой веткой...
Я осенью сюда приеду снова!

Благодарю Лесково строчкой краткой...

Макушка лета

А на дворе макушка лета.
Вновь не успел его впитать я.
Уж скоро роща для поэта
Наденет охровое платье.

Но земляничные поляны
Я всё же видел летом этим,
Лисички брызгами сметаны
Средь хвои рыженьких отметин.

И запах трав с настоем лета
Вдохнул я жадно грудью полной,
Дождинок капли, брызги света
Испил я зорькой полусонной...

Меня, хмельного без привычки,
От рощи той и трав по пояс
Вагон вечерней электрички
Опять уносит в мегаполис...

Переулочкам старой Москвы

В переулочках старой Москвы,
Что с Арбата к Пречистенке льются,
Коль, по счастью, заблудитесь Вы,
За окошками встретите блюда

Под горшками, в которых герань
Улыбается редким прохожим...
Ты, герань, моё сердце не рань
Тихим двориком, с юностью схожим!

Здесь ростки моей первой любви
Пробивались сквозь строчек корявость...
Не воротишь, зови – не зови,
Эту юность. Лишь память осталась.

Счастлив я, что пока ещё есть
Этих домиков милых сутулость.
Я уверен, что где-нибудь здесь
Моя юность со мной разминулась.

Но меня возвращает назад
Так безжалостно, что с ним ни делай,
На себя не похожий Арбат,
Суетливый и «офонарелый»...

Ну, не дружит душа с головой —
Это время во всём виновато!
И «болею» я старой Москвой,
Вновь спеша в переулки с Арбата...

Пуанты

Музыка вечна!
Бис неземной красоте!
Браво талантам!
Жизнь скоротечна,
Но... Тридцать два фуэте
Снятся пуантам!

Складки на пачке —
Только что выпавший снег.
Светит Венера.
Больно? Не плачьте —
Спит ваш родной человек.
Завтра премьеры...

Кораблик мечты

Под песню про кукол,
Макаром напетой,
Мирскую презрев суету,
В кораблике утлом
Из старой газеты
В ручей отпустил я Мечту...

Спешит от Арбата
Мой «Синий троллейбус»,
И жизнь продолжает полёт.
Под песни Булата
Живу и надеюсь,
Что где-то кораблик плывёт...

Я к Синеи Горе,
До последнего края
Дошёл, выбиваясь из сил...
На смертном одре
Я шепну, умирая:
«Ребята! Он всё же доплыл!»...

Ностальгия

Греет руки холодные Август
Под уже не палящим Ярилом.
На душе и не грусть, и не радость —
Ностальгия, что мне подарил он.

По-над трактом, всё реже пылящим,
День висит не по-летнему серый.
Страждем мы, но никак не обрящем
То, что хочется пить полной мерой...

Третий год я вдали от России —
Стала Индия местом работы...
Так хочу я ногами босыми
По траве, по росе, вдоль болота!

Костерок от подмоченных спичек,
Белый дым над рекой с поплавами,
Ранним утром свистки электричек,
Что спешат от Москвы с грибниками,

Чёрный хлеб со смородиной чёрной
И селёдка из бочки мне снятся.
И от запаха клюквы ядрёной
Каждой ночью я стал просыпаться.

Поскорее бы вы пролетели,
Эти месяцы, дни и недели!
Лишь Февраль на Москву сквозь метели
Самолёт мой поднимет из Дели...

Здесь хорошо

Деревня тянет непонятной силой —
Уж, верно, так судьбой предрешено...
Мне здесь тепло. Над нею так красиво
По небу звёзд рассыпано пшено.

Здесь хорошо, и так душе уютно,
Здесь половицы скрип такой родной,
Нет суеты, звонков ежеминутных
И нет шипящих звуков за спиной.

Здесь лес меня заманит и обманет,
Что не грибник я зная наперёд.
А фляжка водки с яблоком в кармане
Пусть ждут, когда настанет их черёд.

И полон сил и впечатлений свежих,
Забыв про дней безликих череду,
Я шляпки разноцветных сыроежек
В корзинку, словно радугу кладу...

Деревенская дорога

Дорога ниткою льняною
Продета в осени ушко,
И впереди, и за спиною
Течёт тумана молоко.

Люблю печаль просторов русских —
Им нет начала, нет конца,
И писк пичуги трясогузки,
И дрожь тугую в бубенцах,

Телеги скрип и храп кобылы,
И васильковые поля,
Росу, что в августе остыла,
Нам зиму снежную суля,

Прохладу речки без названья,
Где спят под ивой караси
И дождь грибной мне в наказанье —
Ведь я грибов «не накосил»...

Мне б подышать ещё немного
Лесов пресветлую тоской,
Но деревенская дорога
Спешит на встречу с городской...

Здесь утро начинается стихами

Я отдаюсь деревне с потрохами.
Сюда, видать, сам Бог меня занёс...
Здесь утро начинается стихами
И музыкой, которая «до слёз»!

И молоком из трёхлитровой банки.
Обед – с краюхи хлеба и ухи,
А вечер – с рюмки водки после баньки,
Чтобы к утру опять испечь стихи.

Я хотел тебе подарить

Слова, как бусины, на строчки
Я нанижу за рядом ряд
И принесу тебе в кулёчке
Закат со стрёкотом цикад.

И журавлиный крик прощальный
В него я тоже положу,
Полночный блеск росы хрустальной,
Звезду, упавшую в межу,

Кленовый лист осенний яркий
И всё, не сказанное в срок...
Но тут рассыпались подарки —
Уж больно хлипким был кулёк...

Моё сердце тоскует

Ты придёшь посидеть к моим строчкам
прозрачным
Вечеру, когда сумерки пахнут жасмином,
На скамеечку нашу над прудиком дачным,
Что под дымкою дремлет в закате
карминном...

Только это – мечты, это вряд ли возможно.
Моё сердце тоскует, пронзительно ноя,
И душа так встревожено и безнадёжно
Кобылицей стреноженной рвётся в ночное...

Душа, что больше не горит...

Меня ударило так больно
Твоё пронзительное «нет!».
Я ощутил себя невольно
Пустою пачкой сигарет...

Так сиротливо и натужно
Сквозь вечер сеет летний дождь.
Мне дважды объяснять не нужно,
Что больше ты меня не ждёшь.

За то, что песни наши спеты,
Себе лишь выпало пенять.
И дым последней сигареты
Не в силах боль мою унять.

До фильтра выпитый жестоко
Окурок, как метеорит,
Летит в решетку водостока
С душой, что больше не горит...

Любовь слепа...

Любовь слепую встретил я однажды.

Юна была она и так чиста.

Брёл я «пустынной» жизнью, но от жажды

Она меня спасла... и красота!

В меня влилась живительная сила.

Пьянея от душевных перемен,

«Спасибо!» ей шепнул, но не спросила

Любовь святая ничего взамен.

Её, слепую, в платице убогом,

Послал мне Бог тем давним сентябрём.

А попросил Любовь я о немногом —

по жизни быть моим поводырём...

Август

У реки возле брода
На копне я разлягусь,
Где муар небосвода
Чертит звёздами Август,

Где туман осторожно
Мне щекочет дыханье,
Где успеть невозможно
Загадать мне желанье...

Межсезонье

Людмиле Королевой.

Август, дней отсчитав двадцать восемь,
Подарил нам Людмилы рождение.
Межсезонье – не лето, не осень,
Погрузило меня в рассуждение:

Думал лето к ногам твоим бросить,
Но от лета осталась лишь малость.
Я хотел подарить тебе осень,
Но она на три дня задержалась...

Из стихов своих беловоронья
Подарю тебе несколько строчек.
А ещё подарю межсезонье
И, конечно же, сердца кусочек!

За тебя молюсь, моя Москва!

Я дождался благостной поры
И бегу на Подмосковья сотки
Из Москвы, где старые дворы
Полегли под новые «высотки»,

Где всё меньше старых москвичей,
Где всё больше чуждых мне наречий...
Ты, Москва, становишься «ничьей»,
Многолюдней, но бесчеловечней!

Привечаешь «дорогих» гостей,
Ключ им сдав не на полях сражений,
Изгоняя собственных детей —
Москвичей, не знавших сбережений!

Смотрят с укоризною на нас
С пожелтевших фотографий лица:
Разве ж знать могли они, что «сдаст»
Их за деньги матушка-столица...

Позабыла напрочь о Душе,
Потеряла взгляд свой лучезарный
И печёшься лишь о барыше,
Став продажной бабою базарной...

Потемнели в храмах образа,
Лишь страданье в глубине их взора.
По иконе катится слеза
От стыда, обиды и позора...

Где небес прозрачней синева,
Где народ добрей немногословный,
За тебя молюсь, моя Москва,
В маленькой церквушке подмосковной...

За грибами

В деревне петухи горланят виновато,
Я к лесу напрямки иду через жнивье.
Над ним лежит туман, как сахарная вата,
И я вхожу в него, как в прошлое своё.

«Ау!» мне не кричит безоблачное детство.
И, если б звал его, я точно бы охрип.
К тебе пришёл я, лес, душою отогреться.
И ты, как старый друг, мне даришь первый гриб.

Ах, как же он хорош, красавец подосинник!
И сердце не сбоят, и счастья выше нет.
Я щёлкаю его на новенький мобильник
И бережно кладу в карденовский пакет...

Бабье лето

Природы пышное убранство
Пленяет радостно мой взор.
Люблю её непостоянство
И буйство красок, и простор,
И дым над зеркалом озёр,
И неба синего пространство.

Меня манит тропа лесная.
Бреду я, листьями шурша.
Картины осени листая,
Прозрачный воздух пьёт душа.
Птенцов неопытных, спеша,
В полёт готовит птичья стая.

На тонких струнках «звёзд» паучьих
Росы богемское стекло
В тенета ловит солнца лучик,
Его прощальное тепло,
Чтоб Бабье лето не ушло
От холодов дождей колючих...

Мои часы остановились в восемь...

Срывает ветер Осени одежды,
По переулку листьями звеня.
И гасит ветер огонёк надежды
На то, что вновь тебя увижу я.

Мои часы остановились в восемь.
И стало вдруг темнее во дворе.
Ты дверь закрыла и шагнула в Осень,
Неслышно растворившись в сентябре...

У окна

Окно моё тебе всю ночь открыто.
Как жаль, что не умею я летать.
До утренних лучей я буду ждать...
Ты прилетай скорее, МАРГАРИТА!

Вот такая нынче новость...

Бабье лето, как подранок,
Рвёт боярышника гроздь.
И зудят у старых санок,
Видя снег во сне, полозья.

Через Бабье лето в осень
Год уходит торопливый
И с собою дни уносит,
Опадая спелой сливой.

Облаков сменив воздушность
На тяжелых туч лиловость,
Ветер мне навеял скучность.
Вот такая нынче новость...

Дремлет Осень золотая...

Дремлет Осень золотая
Под серебряным туманом,
Жемчугами росы пали
На белёсые луга.
И мелодия простая
В даль плывёт за шарабаном,
Где с тобою рассыпали
Мы душистые стога.

Ранит скрип повозки ветхой,
Пробудив воспоминанья
Наших дней любви недлинной
И ночей коротких вкус.
Бабье лето жёлтой веткой
Тихо шепчет: «До свиданья!»,
На прощанье мне рябина
Дарит нитку спелых бус.

А за мною деревушки
Растворяются в тумане.
Я их взглядом провожаю,
Словно детскую мечту.
Мимо леса вдоль опушки
На скрипучем шарабане

Уезжаю. Уезжаю
В городскую суету...

Меня не возьмут...

Я иду по холсту – по аллее из серой брусчатки
И по краскам иду, тем, что Осень на нём развела.
Здесь играет Сентябрь с малышами на детской площадке
И с грустинкой в глазах раздаёт им остатки тепла.

Как мне хочется к ним, вверх бросающим листьев
охапки,

Чтобы вновь ощутить эту радость, забытую мной!

Но меня не возьмут – нету бабушкой связанной шапки,

На висках седина и игрушки с собой – ни одной...

Над моею Москвой...

Над моею Москвой Осень косы свои расплела.
На Бульварном кольце красит лист, не скрывая кокетства.
И от Чистых прудов звон трамвая под номером «А»
Вновь уносит меня на «Зацепу» в далёкое детство.

Блеск твоих куполов хорошо наблюдать с высоты.
И люблю я до слёз старых улочек милые лица.
Здесь за каждым окном ощущаю тепло доброты.
На одной из таких довелось мне когда-то родиться.

Хоть связала с тобой пуповины незримая нить,
В переулках кривых снова пьян я шальным листопадом,
С каждой новой весной всё сильнее желанье сменить
Суетливость твою на размеренность жизни за МКАДом.

Облака от Москвы ветер северный гонит на юг,
Где не выпадет снег в зелень пальм, что над море каймою.
Только я остаюсь. Жаль, что мой замыкается круг —
Осень жизни моей так опасно граничит с Зимой...

На свидание со старым парком...

Сергею Красоткину.

Пьют за осень друзья без меня за широким столом.
Я бреду под зонтом в никуда, где не «давят» высотки,
И поёт мне с диска, согревая душевным теплом,
Замечательный бард, мой приятель, Серёжа Красоткин.

Под ленивым дождём старый парк весь до нитки промок.
На свидание с ним непременно обязан успеть я —
Он вчера обещал подарить мне полдюжины строк.
Но прилипло к асфальту кленовых листьев разноцветье...

Вариант перевода сонета 137 Шекспира

Thou blind fool, Love, what dost thou to mine eyes,
That they behold, and see not what they see?
They know what beauty is, see where it lies,
Yet what the best is take the worst to be.
If eyes, corrupt by over-partial looks,
Be anchored in the bay where all men ride,
Why of eyes' falsehood hast thou forged hooks,
Whereto the judgement of my heart is tied?
Why should my heart think that a several plot,
Which my heart knows the wide world's common place?
Or mine eyes seeing this, say this is not,
To put fair truth upon so foul a face?
In things right true my heart and eyes have erred,
And to this false plague are they now transferred.

Слепой Любовью мы ослеплены.
Не зрим того, что ловим взглядом ясным.
Чтя красоту, не знаем ей цены,
Вдруг перепутав пошлое с прекрасным.

И взгляды, как на якорной цепи,
Как корабли, что в бухте на приколе.
И в ней готов ты сердце утопить.

Ну почему ты не даёшь им воли?

Зачем так сердце трепетно стучит
При той, что прочим кажется обычной?
И почему предательски молчит
Пред красотою, что слывёт античной?

И в сердце, и в глазах одна лишь ложь...
Где фальшь, где добродетель – не поймёшь!

Уже неделю дождь идёт

Уже неделю дождь идёт.
То чуть сильнее, то словно плачет.
Он у меня тебя крадёт.
Я с Одиночеством на даче.

Я ощущаю пустоту.
Любить я, видно, не умею.
С тобою быть – не вмоготу,
А без тебя – ещё больнее.

Осадок мелочных обид
Я растворяю водкой горькой,
И Одиночество саднит
Строкой стихов озябшей зорькой.

Не можем вместе, врозь – хоть брось.
И жизнь подобна фотоснимку:
«Тоска, продрогшая насквозь,
Спит с Одиночеством в обнимку».

Выходит грусть из берегов,
Но, предвкушая вдох последний,
Я слышу звук твоих шагов
И поворот ключа в передней...

Большая игра с Ноябрьём

Азарт картёжников у клёнов.
Их начинается игра.
В руках их, солнцем опаленных,
Краплёных листьев веера.

Ноябрь хитёр и хладнокровен,
Подогревает клёнов страсть.
Игру поддерживая «вровень»,
Он помогает им пропасть.

Конечно, он играл не чисто —
Весь напряжился, затих...
Уж на кон брошены мониста
И груды листьев золотых...

Блефуя, ставки повышая,
Сорвал он банк в конце концов!
Игра закончена большая
Для голых клёнов-близнецов.

Долдонит дождь без передышки
О лист, прилипший на окне.
Крупье-Ноябрь сгребает фишки
На прохудившемся сукне.

Ноябрь – игрок! Исход был ясен
(Лишь карт обрывки на траве),
Ведь у него всегда в запасе
Дождей колода в рукаве...

Я помню чудное мгновенье...

Елене Жмачинской.

Июнь. Шестое. Псков. Автовокзал.
Вина бутылка, разовый стаканчик.
Там нас незримой ниточкой связал
В свой юбилей ПОЭТ, курчавый мальчик...

Я помню пальцев тонких силуэт,
Мне так тогда поведавших о многом.
(В них – музыкант, художник и поэт),
Твою улыбку на лице нестрогом.

В твоих работах лёгкость и тепло,
Экспрессия и тихая печальность.
И не живут в них ни корысть, ни зло,
Им не присущи серость и банальность.

От них струится вдохновенья свет,
Что по душе седому уж «повесе».
Купил бы все! Вот только денег нет,
Да, в общем-то, и некуда повесить...

Пять на часах. Не тронута постель.
Ещё темно. Спокойно спит столица.

На мятый лист из ручки льётся гель
И пьяной строчкой на него ложится.

Скулит Ноябрь, как в церкви пономарь,
И первый снег над городом кружится.
В окне «аптека, улица, фонарь»...
И капелька вина на старых джинсах.

Года, остановите бег! Молю!
Хоть для неё замедлите движение!
Вино в стаканчик пластиковый лью...
Эй, Рыжая Лисичка, с днём рождения!

Визит первого снега

Ввечеру в старый двор наш случайно забрёл первый снег.
Он устал и хотел отдохнуть, путь проделав неблизкий.
Я окно распахнул и его пригласил на ночлег.
Он прилёт, но к утру, не прощаясь, ушёл по-английски...

Моя родная Неизбежность!

Вновь снег с дождём и ветер злой и колкий
Под ложечкой рождают неуют.
И добивают Осени осколки,
Хоть говорят – «Лежачего не бьют!»...

А серая промозглость душит город,
Дворы пусты без детской суеты.
Мой зонт – насквозь. Я поднимаю ворот,
Ссутуливая плечи, как и ты...

Но, всё же, сердцем согревая нежность
И спрятанный в карман плаща цветок,
Спешу к тебе, родная НЕИЗБЕЖНОСТЬ,
Чтоб ощутить любви твоей глоток!

Ещё не всё!

Я повестью придуманной живу.
Предательством надуманным обижен.
И ничего вокруг себя не вижу,
Того, что происходит наяву.

Я стал не весел, замкнут, нелюдим.
И праздники справляю в одиночку.
Ленивая рука выводит строчку,
В которой только ржавчина и сплин.

Я в этом мире страшно одинок.
Со льдом моим слезе твоей не сладить.
Исчез твой лик в душе моей окладе.
Увы, твоей любви я не сберёг.

Но память всё скребётся по стеклу
Моей души своей железной лапой.
Не знаю, что мне делать с ней, проклятой,
Ведь не прижать виском её к стволу...

А водка со щеки спадает вниз
И размывает, растворяет строчки...
Ещё не всё! Я не дошёл до точки!
В моём столе заждался чистый лист!

Песочные часы

Я догораю, как свеча.
Уже совсем чуть-чуть осталось.
Остались старость и усталость,
Уже ладонь не горяча.

И всё ровнее сердца стук,
В котором холод безразличья.
Мою весёлость стая птичья
С собою унесла на юг.

Душа остыла без тепла,
Но с плотью всё не расстаётся,
Сосуществуя, как придётся,
Как инородные тела.

И жизни свой отмерив путь,
Сточились каблук ботинок...
В часах – лишь несколько песчинок,
И их нельзя перевернуть.

Их не дано перевернуть!

Баба Нюра

(От лица дворового пса Мишки)

Рядами книг дома-высотки.
В них этажи, как будто строчки.
Слова расплывчаты, не чётки.
Лишь букв светящиеся точки.

Их не прочесть дворняге бурой,
Но букву «А» я точно знаю.
Её чертила Баба Нюра
Для карапузов у сарая.

Её просить помочь – не надо,
Ей не досуг сидеть без дела.
Она всегда была мне рада
И воробьёв всегда жалела.

Мне миску супа наливала,
И для пичуг хватало крошек.
Хоть не всегда самой хватало,
Добрее не было ладошек.

В её окно гляжу понуро,
Там булка с запахом ванили...
Во двор не выйдет Баба Нюра —

Её вчера похоронили.

Сегодня снег. И небо хмуро.
Да, пусть земля ей будет пухом!
Я буду помнить Бабу Ньюру,
Её руки тепло за ухом...

Лишь пустота в замёрзшей плошке,
Да воробьиные комочки,
И темнота в её окошке
Под буквой «А» на нижней строчке...

Одиночество

В дом заходит без имени-отчества
ОДИНОЧЕСТВО.

Приговором цыганки пророчества
ОДИНОЧЕСТВО.

Отпусти меня, Ваше Высочество
ОДИНОЧЕСТВО!

Стань всего лишь горчинкою творчества,
ОДИНОЧЕСТВО...

Возврати мне его!

В парке осень дрожит, и аллея в асфальтовых трещинах,
И над старым прудом облака безразлично висят.
Догорает листва. На скамье одинокая женщина
В лёгком шарфике клетчатом. Ей, наверное, за пятьдесят.

Не случилось по жизни ей встретить свою
«половиночку».

Одиночества круг. Ни друзей, ни подруг, ни родни.
И стежок за стежком, как по серой канве серой ниточкой
Без души вышиваются одинаково-серые дни.

Смотрит в небо она и отчаянно молит о помощи,
Чтобы встретить того, для кого так себя берегла.
Ангел Смерти услышал, присвистнул: «Какое
сокровище!»

И, спустившись с небес, рядом с нею сложил он крыла.

– Как мне встретить его, дорогого, родного, хорошего,
Чтоб одними глазами друг друга могли понимать?
– Я тебе помогу. Но услуга та стоит не дёшево.
Цену знаешь сама. Мне не надо её объяснять.

И условие есть для тебя и судьбы твоей встреченной:
Если кто-то из вас отведёт от любимого взгляд

Или просто солжёт, не останется ложь незамеченной —
Ваши жизни возьму, и не будет дороги назад!

– Я согласна на всё! Ангел Смерти, прошу
Вас, поверьте мне.

Но ведь, если уснём, нашим жизням настанет конец...

– Что ж, я жизнь вам продлю. Даже больше – дарую
бессмертие,

Если слышать смогу разговор ваших душ и сердец.

Как же встречи ждала! Как боялась ему не понравиться!

И настал этот миг, в унисон застучали сердца...

Но кричат петухи. Дивный сон, как туман, растворяется,

Сохранив для неё лишь овал дорогого лица...

В парке осень дрожит, и аллея в асфальтовых трещинах,

Вновь над старым прудом облака безразлично висят.

Догорает листва. На скамье одинокая женщина

В лёгком шарфике клетчатом. Ей, наверное, за пятьдесят.

В этих влажных глазах – не слеза, не тоска, не рыдание,

А какой-то другой, рвущий сердце пронзительный крик:

«Слышишь, душу свою отдаю за одно лишь свидание!

Ангел Смерти, молю, возврати мне его, хоть на миг!»...

И лишь в глазах едва читалось что-то...

Ни полу-взгляда. Словно нет меня...
Ты примеряешь маску безразличья.
Мой телефон молчит четыре дня,
Неразговорчив стал до неприличья.

Во всём привычно не себя виним.
Ну, почему всё так, а не иначе?
И почему, имея, не храним
И, лишь утратив, безутешно плачем?

Ни полу-взгляда в сторону мою...
Не думал я, что так легко отпустишь.
Навязчивые мысли прочь гоню —
«Хоть близок локоток, да не укусишь!»

Ты не со мною разговор вела
За столиком, ко мне в пол-оборота.
Была ты нарочито весела,
И лишь в глазах едва читалось что-то...

Я расстаюсь с «неправильной» строкой
Всегда легко. Ведь нет меня капризней.
Так отчего не совладать с рукой,

Тебя пытаюсь вычеркнуть из жизни?

Браво!

Звонка ночного в тишине
Я ждал напрасно.
Да, ты любовь свою ко мне
Сыграла классно!

Четыре комнатных угла
В кругу порочном.
Ты, мне казалось, не лгала
Той нашей ночью...

В прихожей щёлкнул шпингалет,
Как в Голливуде...
И в коридоре вспыхнул свет —
«КИНА НЕ БУДЕТ!»...

Закончен фильм. Начало дня.
Обрывки ленты...
Что ж, принимай и от меня
Аплодисменты!

Предновогодье

Такая снежная зима
Давно Москву не посещала.
Уж года Нового начало
Спешит в неспящие дома.

Люблю вечернюю Москву
С предновогодней суетою,
Людских улыбок красотою
И верой в сказку наяву...

Святки на Арбате

Не прячь меня, январский снегопад,
Как голову в песок пугливый страус.
Спешу по снегу на ночной Арбат,
Где ждёт меня на святки «Дулин Хауз».

Простуженную душеньку нельзя
Мне отогреть ни водкой, ни мехами.
Спешу туда, где ждут меня друзья —
Они согреют добрыми стихами!

P.S.

Чтоб гимны петь Добру и Красоте,
Не спит поэт до третьих петухов.
Пусть «бабочки порхают в животе¹»
От светлых и пронзительных стихов!

¹ Наталья Никифорова

Моей незнакомой маме (От лица детдомовского подростка)

Всегда мне мысли сердце рвут на части,
Лишь только МАМУ вижу я во сне,
Чьих рук тепло, как истинное счастье,
Не довелось познать по жизни мне.

Ты не склонялась над моей кроваткой
И не лечила ссадин и обид.
Я в мыслях прибегал к тебе украдкой
Поведать как душа моя болит...

А защищал и грел меня в морозы
Родной и ненавистный детский дом,
Где по ночам меня душили слёзы,
Ведь шёл по жизни я с таким трудом.

Но я любить тебя не перестану.
Ты, всё равно, на свете лучше всех!
Храни, Господь, мою святую МАМУ
И за меня прости ей этот грех!

Тебе родной от сердца посвящаю

Наивные, корявые стихи.
Ты знай, я наперёд тебе прощаю
Тобой не совершённые грехи.

Храни тебя, твой ангел нежнокрылый!
Пусть не порвётся между вами нить!
Ему молитва эта... Чтобы силы
Ему хватило, чтоб тебя хранить!

То не любовь была...

То не любовь была, а лишь влюблённость,
Которую придумала сама,
Минутная шальная окрылённость.
Не стоит от неё сходить с ума!

Заполнится души опустошённость,
Весною в сердце сменится зима.
То не любовь была, а лишь влюблённость,
Которую придумала сама...

ТВОЙ ВЗГЛЯД

Твой взгляд печальный – канат
причальный,
И не призывный, и не прощальный.
Не позволяет сойти на сушу,
И не пускает под парус душу.

И лжёт, и манит твой взгляд усталый.
Волной в тумане я бьюсь о скалы.
И я не в силах порвать оковы,
И ты не хочешь отдать швартовы...

Прости

Слышишь, ты за всё меня прости.
Просто так, не говоря ни слова.
Обо мне не плачь и не грусти —
Ничего же нет во мне «такого».

Ты прости меня за сто разлук,
За скупые ласки губ бездомных.
Просто я устал от нежных рук,
Просто я устал от глаз бездонных.

Хочется умчаться в никуда,
Где грозой и сеном пахнут зори,
Где беда любая – не беда,
Волен ты, как ветер на просторе...

Если же вернусь я с полпути,
Припаду к глазам бездонным снова,
Слышишь, ты за всё меня прости,
Просто так, не говоря ни слова!

Полночный троллейбус

Полночный троллейбус уносит меня на вокзал.
На стёклах замёрзших рисунки, ладошки,
слова.

И я написал. Те слова, что ещё не сказал —
Пусть их прочитает с троллейбусных окон
Москва.

Вдали от Москвы бесконечными кажутся дни,
И ночи ползут сонной мухой к зари рубежу.
Троллейбус, родной, те слова на стекле
сохрани —
Тебе обещаю, что я их любимой скажу!

Я снова в Москве. Мой троллейбус, знакомый
до слёз.
Пять дней без меня он курсировал по февралю.
Под инеем скрыл все слова реставратор-
мороз...
Одно лишь оставил не тронутым – слово
Люблю!

Шестьдесят

Моему другу Валентину Осипову.

Не стареет души красота,
Но скажу я тебе без прикрас:
Мы с тобой не дотянем до ста,
А «полстолька» нам будет как раз!

Наши годы нам вслед голосят.
Мы, на них не взирая – вперёд!
Тридцать пройдено. Нам шестьдесят,
А хотелось бы наоборот!

И, хотя календарь не солгал,
Там, где веет душевным теплом,
Ждёт на даче наш старый мангал
И улыбки друзей за столом.

Наши близкие всё нам простят.
Только зеркало нам не соврёт.
Тридцать пройдено. Нам шестьдесят,
А хотелось бы наоборот!

Шестьдесят не «УЖЕ!», а «ЕЩЁ!».
Злой судьбе не согнуть нас в дугу —

Мы подставим друг другу плечо
И споём про «Костёр на снегу».

Наши шпаги на стенке висят,
Только ржавчина их не берёт...
Тридцать пройдено. Нам шестьдесят,
А хотелось бы наоборот!

А душа всё не верит...

От дворца до теплушки —
У кого б ни спросили,
Знают – есть такой Пушкин,
Он родился в России.

От Камчатки до Кушки —
Где бы ни колесили,
Знают – есть такой Пушкин,
Он родился в России.

Королевы-старушки
И мальчишки босые
Знают, кто такой Пушкин.
Он родился в России.

И девчонки-болтушки
Его томик носили.
Потому, что он Пушкин
И родился в России.

Все дуэли, пирушки
И грехи отпустили...
Потому, что он Пушкин
И родился в России.

За него по полкружки
Под безбрежностью сини!
Потому, что он Пушкин
И родился в России!

Не вернуть, не измерить
Его жизни короткой...
А душа всё не верит
И бежит за пролёткой!

Не спится...

Не спится...

Я в руках твоих – синица.

До журавля, как видно, не дорос я.

Как птица,

Дней шальная колесница

Меня уносит в нежить двухголосья.

Утрата,

Что приходит без возврата,

Занозю корявою под сердце.

Расплатою

На совести заплата,

И от неё мне никуда не деться.

Но снится

Мне волос твоих брусница,

Души моей Душа и королева.

Мне б влиться

Ветерком в твои ресницы

И в чёлку, что слегка сместилась влево...

Обручальное кольцо

Пусть мне твердят «Судьбе не прекословь!»
И что «дрозды не запоют зимою»...
Я знаю точно – в мире есть любовь,
И тридцать лет она жила со мною.

Ношу я обручальное кольцо,
Хотя с тобою мы – давно не пара.
Был неплохим, казалось, я отцом
И мужем был совсем ещё не старым.

Но постепенно стук сердец затих
И голос стал чужим, и взгляд поддельным.
Квартира, словно карцер для двоих,
Нас развела по комнатам отдельным.

С тобою мы ни в мире, ни в войне...
Цветам любви не распуститься к маю.
Любовь не умерла. Она во мне.
И потому кольцо я не снимаю.

Вторую жизнь мне Бог не предложил.
Но если б дал возможность «идиоту»,
Её я, знаю, так же бы прожил,
Не отступив от прежней ни на йоту.

Благодарю судьбу за сердца пыл,
За то, что душу не запрятал в латы.
Благодарю за то, что я любил
Тебя такой, какою не была ты...

С первым днём весны!

Природа пробудилась ото сна...
И вот уже спешат к тебе в объятия
Голубоглазка – девочка Весна
И девушка Любовь в воздушном платье.

И, ощутив дыхание Весны
И нежные Любви прикосновенья,
Летишь, как щука на призыв блесны,
Что будешь пойман, зная без сомненья!

Нежность

Хочется потрогать лучик солнца,
Что ползёт по краю одеяла.
Но попробуй до него дотронься
Я, не разбудив тебя сначала.

На плече, прильнув ко мне всем телом,
Как когда-то к матери девчонкой,
Сладко спишь ты утром этим белым,
Светлая, как лучик этот тонкий...

Завтрак в постель

Укрощать тебя не берусь я,
Но, с надкушенной «в кровь» губой,
Обожаю твоё послевкусье!
Пахнет хвоей, зимой, тобой...

Серо-белой ещё палитрою
За гардиной рассвет-пастель.
Приготовлю еду нехитрую
И тебе принесу в постель.

Пахнут плечи листом берёзовым...
Наказав «не шуршать!» белью,
Соберу я туман над озером
И в молочник его солью.

Сигарета неспешно курится.
Я судьбу свою не кляню.
Ночь, большая рябая курица,
Принесла мне яйцо-луну.

Сердце словно кольнуло ёжиком
И по коже прошёлся ток.
Скорлупу разбиваю ножиком
Чтобы солнца достать желток.

На меня, подивясь безумию,
Зашипело яйцо белком.
Я готовлю тебе глазунью
С чёрным кофе и молоком...

Завитками волос игривыми
Очарован я в этот миг.
Облака чуть колышут гривами,
Отражаясь в глазах твоих.

И, пока ещё не остыло, я,
Прислонясь к твоему теплу,
Прошепчу: «С добрым утром, милая!»
И добавлю: «Прошу к столу!»...

Домой...

Лифт, подъезд, Жигулёвская улица,
Половина шестого утра.
Одинокый прохожий сутулится.
Он в Сегодня бредёт из Вчера...

Колобродит весна-богохульница,
Заполняя собою нутро.
И ведёт Жигулёвская улица
В не проснувшееся метро.

Сигареты дымком балуются
Молодые шальные ветра.
Тишина. Жигулёвская улица.
Половина шестого утра...

Остров с названием Сердце

Этот маленький остров на карте не сыщешь,
Но к нему я стремлюсь, как журавль в облака.
В самых дивных стихах ты его не опишешь —
Нет на свете поэтов достойных пока.

Это – маленький остров с названием Сердце,
Но безбрежность миров умещается в нём.
Через призму судьбы слышу я его герцы.
Жаль, что я не живу в этом Сердце твоём.

Как слепой, лишь на звук, сквозь метель и сугробы
Я к нему пробиваюсь, надежду храня...
Только что же потом? Что же сделать мне, чтобы
Ты смогла в нём заметить песчинку – меня?

Люблю когда...

Люблю, когда закат свои холсты
Являет нам над тихую рекою,
И ощущение неги и покоя
Приходит вдруг, когда со мною ты.

Люблю, когда черёмух мотыльки
Через окошко спальни залетают,
И ночь прорехи мелких ссор латает
Прикосновеньем ласковой руки.

Люблю волос рассветный аромат,
Твои слегка приподнятые плечи
И вишни губ, с моими ждущих встречи...
Как в первый раз! Как тридцать лет назад!

Мне нравилось...

Мне нравилось, когда весенней ранью,
Купаясь в первом солнечном луче,
Я слышал, как любимое дыханье
Мурлычет, лёжа на моём плече.

Я видел звук проснувшейся капли,
Пичуг на нотном стане проводов
И смех ребёнка нашего в купели,
Не знающего зимних холодов...

Теперь я глух к весеннему мажору —
Сломалось что-то важное внутри.
Не внемля больше сердцу-дирижёру,
Я ухожу на код: раз, два, три...

Третья свеча

Догорает свеча на окне,
И неяркий огня лепесток
Начинает дрожать
От предчувствия скорой кончины.
Света – толика в этом огне
И тепла – на один лишь глоток,
Но всё чаще бежать
К той свече я хочу без причины.

Есть другая свеча – у икон.
И она не бессмертна, поверь.
Величав её свет,
В ней надежды живут человечьи,
В ней и радость, и вера, и стон,
И всегда к ней распахнута дверь.
От неё без монет
Зажигаются новые свечи.

Существует и третья свеча.
Та – в душе. Не страшна ей зима.
В ней дыханье Творца —
Лютый ветер её не потушит!
Неотложкою вместо врача
В каждый дом она ходит сама,

Зажигая сердца,
Согревая озябшие души...

Догораю я первой свечой.
Со второй пред иконой стою.
Завершая свой путь,
Я шепчу своему лихолетью:
«Я бы жил, не меняясь ни в чём,
Если б жизнь повторил я свою.
И, не каясь ничуть,
Я бы отдал все свечи за третью!»...

Пасхальное

Я наведу в душе порядок к Пасхе.
Уже я вымел сор нелепых ссор,
В ведре помойном – выцветшие краски.
И лишь с тоской не справлюсь до сих пор.

Я залижу обид давнишних раны,
Ненужный хлам сожгу на пустыре
И распахну заклеенные рамы
Своей души в Донском монастыре...

Вновь за окном знакомая синичка,
Рука надежды на моём плече —
Им поделю пасхальное яичко
И засвечу свечу на куличе.

Христос воскрес! И светлеют лица.
От этих слов теплее мне вдвойне.
Их шепчут мне надежда и синица...
И грусть-тоска, живущая во мне.

Я ревную...

То вдруг оттепель, то мороз,
Но погода меня не бесит.
Слышу запах твоих волос —
Он печаль мою занавесит.

Я пьянею от ясных глаз,
Что глядят на меня из фото.
Я ревную в который раз,
Может быть, не тебя – кого-то...

Отпусти меня! Прогони!
Из души и из жизни тоже!
Мимо злые проходят дни,
И не делится наше ложе.

Словно в разных мы городах.
Не порвать нам разлуки круга.
В перепутанных проводах
Голоса не нашли друг друга...

Диалог с Эхом

- Не весёлые дожди...
- Жди!
- В сердце слякоть развезло...
- Зло?

- И печали полон взор,
- Вздор!
- И во мне такая грусть!
- Пусть!

- Нервы, скрученные в жгут...
- Жгут?
- Чем заделать эту брешь?
- Режь!

- В душу мне смогла пролезть...
- Лесть?
- Говорят мне, что я крут!
- Врут!

- Ну, а ей – «Вынь, да положи!»...
- Ложь!
- Сколько было горьких фраз...
- Раз...

- Не расстались мы едва...
- Два...
- Ну, само ты посмотри —
- Три...

- Не порвать мне этот круг!
- Рук?
- Без её я одинок...
- Ног?

- Переходишь ты за грань!
- Брань?
- Лихо в жёны мне не прочь!
- Прочь?

- Я построю над прудом...
- Дом?
- Или дом, или шалаш,
- Блажь!

- Где могли бы сохранить...
- Нить?
- Чтобы – сердце в унисон!
- Сон!

- Что с ней делать? Убеждать?
- Ждать!
- Не хватало ей монет?

– Нет!

– Написать ей пару строк?

– В срок!

– Боль свою в вине топить?

– Пить?

– Или в дыме сигарет...

– Бред!

– Может, выбрать якоря?

– Зря!

– Кто же сможет мне помочь?

– Ночь!

– Кто ж теперь судьба моя?

– Я!

Подранок

Я стихом тебя одурманю,
Тихой песней проникну в сердце...
Я по-своему «наркоманю» —
Не люблю я любви «без перца»!

В темноте у твоей постели
Я сниму с тебя осторожность,
Чтоб упиться дрожаньем в теле,
Ощувившем мою безбожность.

И, презрев трескотню сорочью,
Пусть цинично, но откровенно,
Я войду в тебя этой ночью
И подкожно, и внутривенно...

Пересыщен любви игрою,
Твоим телом до одуренья,
У окна свой блокнот раскрою
И добавлю стихотворенье.

К свежей ране всё ближе, ближе
Поднесённая мной солонка...
«Как же я тебя ненавижу!», —
Мне кричит моя совесть-ломка.

От слезинок твоих, горошин,
В никуда уйду спозаранок,
Я, кукушкой-судьбой подброшен
В твою душу, её подранок...

Разметался рассвет по крышам,
Чей-то голос, как спица тонок,
Шепчет мне лепестками вишен:
«Не подранок ты, а подонок!»...

К...

Любовь приходит, словно наважденье...
Хочу тебя почувствовать плечом
И прошептать на ушко: «С днём рожденья!»,
Скользя по телу утренним лучом.

Дыханием согреть твои запястья,
Едва рассвет забрезжит меж берёз,
Тебя вдохнуть и умереть от счастья
В волнах твоих божественных волос!

Ты знаешь, мне не выжить в одиночку.
Я SMS-ки шлю тебе во тьму...
Ну, не молчи! Пришли хотя бы точку!
Ты не волнуйся – я её пойму!

Вы к поэту не будьте жестоки!

Вы когда-нибудь слышали это:
Как взрывается лета завязь,
Никого не задев при этом,
Сжечь границу с весной пытаетесь?

Как рассветная тает дымка,
Чей салоп первый луч подпортил?
Как посапывает Ордынка
Мерным звуком шершавых мётел?

Вы когда-нибудь видели это:
Как шалит Купидон с похмелья,
Ощувив приближенье лета,
Спившись за зиму от безделья?

Как уходит роса с травинок,
Как призывно поёт пичуга?
Встречу суженых «половинок»,
Так уставших искать друг друга?

Как волна, налетев на скалы,
Разбивается на осколки?
Как запутался ветер шалый
В гулких струнах высоковольтки?

А дано ли понять Вам это?
Вам известно, как пахнет зависть?
Может видеть душа ПОЭТА,
Как взрывается лета завязь!

Слышать Шуберга в водостоке,
Перетаскивать воду в сите...
Так не будьте к нему жестоки!
Он – чужак! Вы его простите!

Останемся друзьями

Ты сказала: «Друзьями останемся!»,
Но самой тебе в это не верится.
Этой фразой, как бритвой, мы ранимся,
Эта Дружба – Любви соперница...

Не положишь ей руки на талию,
Не согреешь дыханьем и ласкою.
Эту фразу я, как аномалию,
Зачеркну самой чёрной краскою!

Жизнь потянется серыми буднями,
Заболит Любовь без взаимности...
Нет, друзьями с тобою не будем мы!
Не приму этой Дружбы лживости!

Дождь, меня провожавший до станции,
Пусть твоей разъясняет Капризности:
Дружба – это искусство дистанции,
А Любовь – есть искусство близости!

Две ночи с тобой

На плече пожар твоих волос.
Дым от сигареты «на двоих».
И рассвет, прохладен и белёс,
Гасит трепет губ и рук твоих.

Горизонт с полоской голубой.
Лишь сердца отчаянно стучат.
Так напоминаем мы с тобой
За день наигравшихся волчат.

Сладкою истомой дышит плоть.
Зубоскалит месяц молодой,
Видя, как боюсь я уколоть
Свежесть щёк щетиною седой.

Выдаёт мне глаз твоих елей
То, что ты ко мне не холодна...
Помни обо мне, но не жалея
Ночи, нами выпитой до дна!

За стол совсем пустого караоке,
Согретые салюта чередой,
Мы сели, веселы и «одинокы»...
Но в зал вошёл мужчина молодой.

Тебе желал «звезду» и «ночи длинной»
Я в песне, нелюбимой с этих пор.
А ты жила охотой, жадной, львиной,
Лишь на него нацеливая взор...

Поддавшись искушенью и азарту,
Ты, раскрутив Фортуны колесо,
Мою любовь поставила на карту...
И в День Победы проиграла всё!

Я отдаюсь судьбе своей на милость.
Один встречая новую зарю,
За крик души, за всё, что не случилось,
Я, всё равно, тебя благодарю!

Поговори со мною в ЛЯ-миноре

Не лги, кукушка – столько не живут!
Да, столько мне и самому не нужно:
Дни потекут размеренно-натужно
С вопросом: «А кому ты нужен тут?»...

Мне и полстолька – много одному,
Коль не звучать с тобою двухголосьем.
Вы заберите и весну, и осень,
Мне и они без милой ни к чему!

Остаток дней заполню до краёв —
Как шоколад, и сладок он и горек.
Быть может, ты за мой присядешь столик —
Я разделить с тобой его готов.

В ночей остатке растворимся мы
И растворимся бережно друг в друге,
Не замечая ни дождей, ни выюги,
Не различая лета и зимы...

По жизни я всё также одинок —
За столик мой ты так и не присела.
Душа моя не ощущает тела,
И не допит всего один глоток...

Моя гитара, не оставь меня,
Лишь ты со мною в радости и в горе.
Поговори со мною в ЛЯ-миноре,
Поговори, сударушка моя!

Чубушник

Укрытая чубушника кустом
От фраз, сюда ещё не залетевших,
Рассвет встречает в скверике пустом,
Обняв друг друга, пара «сумасшедших».

От нежности, заполнившей сердца,
Забыто всё – и сон тревожный мамин,
И нарочито строгий взгляд отца,
И «завтрашний» ответственный экзамен.

Не разомкнуть сплетенья этих рук,
Не вырваться из сладостного плена...

Нескромно солнце заспанное вдруг
Свой луч Ей положило на колено...

Я мыслями вернулся в Питер...

Так «цепляют» слова
Закорючками литер...
Хоть мой дом и Москва,
Я люблю тебя, Питер,

Твои руки мостов,
Обращенные в небо,
И задумчивых львов...
Как давно я там не был!

Кратких белых ночей
Не допил «молока» я
У Ростральных «свечей»...
Вот ведь, штука какая!

На смерть Александра Абдулова

«Ваганьково» в слезах... в который раз...
Холодный ветер, стиснутые скулы...
Ушёл пресветлый человек от нас,
Сын Мельпомены Александр Абдулов...

В конце спектакля, выйдя «на поклон»,
Ты видел зал, восторженные лица...
Теперь не ты пришёл к нему, а он,
Чтоб твоему таланту поклониться!

Людской поток, и в каждом горле ком,
Цветы, венки и траурные ленты...
Ссутулил плечи «маленький» «Ленком»,
В последний раз звучат аплодисменты...

«Ваганьково» в слезах... в который раз...
Течёт рекой людская вереница...
Ты будешь жить, ты будешь среди нас,
Пока твой образ в памяти хранится!

«Ваганьково» в слезах... в который раз...

Портрет

Мне Любовь заказала портрет из стихов.
Я полжизни искал идеальную строчку,
Но, увы, тот портрет до сих пор не готов —
Невозможно его написать в одиночку...

Кожа мыслей моих расцарапана в кровь
От бездарных эскизов, изорванных в клочья.
Однобокой на них получалась Любовь,
И дышали бездушьем стихов междустрочья.

Что без верной стрелы не поёт тетива
Я усвоил, прожив этой жизни две трети...
На взаимности чувств замешал я слова,
И мгновенно Любовь ожила на портрете!

Мой лес

Поляны ландышевых листьев,
Черники кустики ковром...
Не хватит сотни журналистов,
Чтоб описать мой лес пером!

Под сапогами мох упругий,
Прозрачный воздух – чистый мёд!
Кукушка врёт и всей округе
Так щедро годы раздаёт...

Здесь ельник нервы расплетает,
Москвою скрученные в жгут,
И комары, как волчья стая,
Свою добычу стерегут.

Я стал конягою невольню:
Ямщик – проворный паучок
В такт паутинкой хлещет больно,
Приняв картуз за облучок.

Итог привычный уготован:
Шагаю к дому налегке —
Счастливым, рифмами наполнен,
С пустой корзинкою в руке.

В душе приятная истома,
Я лесом утренним пропах...
Я паучка довёз до дома —
Пусть поживёт в моих стихах!

С дождём июньским по Москве

Дождь июньский к траве
Прибивает жару.
Пузыри по прудам
Патриаршим и Чистым...
Я – пешком по Москве.
Зонт с собой не беру.
Я сегодня не дам
Заработать таксистам.

На Пречистенке он
Увязался за мной.
Мы вдвоём побрели
По промокшей Волхонке,
Где Спасителя звон,
До мурашек родной,
Будто ищет вдали
Колокольчик на конке...

От раздумий моих
Не уставший ещё,
Дождь показывал прыть,
Как повеса столичный.
Но потом вдруг затих,
Мне поплакал в плечо

И стрельнул закурить,
Словно друг закадычный.

У Никитских ворот
Шёл стеною сплошной,
На бульваре Цветном —
Генеральная стирка,
Но детишек в обход
Обогнул стороной
И помыл им, при том,
Лимузин возле цирка.

На Кольце он пристал
К двум влюблённым босым,
Захмелел и раскис,
Из фонтана напившись,
В мой блокнот записал
Пару строчек косых
И по Сретенке вниз
Зашагал, не простившись...

Июньские подарки

Младой Июнь с ромашками в кудрях
Привёл друзей ко мне на день рождения,
Принёс настой зари на янтарях
И подарил мне жаворонка пенью.

Ещё не душно травам на лугах,
И не подёрнут пылью подорожник.
Юнец-Июнь, как истинный художник,
Улыбку пишет на твоих губах.

Под свет звезды, мерцающей в пруду,
И трели соловьёв, уже не робких,
Ушёл в закат, оставив череду
Ночей непозволительно коротких...

Июльский день жарою переспел...

Июльский день жарою переспел,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.